

Видя, что евнух Сюй томится в молчании, Сяо Лян ощущал, как тревога в душе его нарастает. Если его дед и впрямь был столь верным и доблестным, как о том говорили, отчего же мать никогда не желала его вспоминать? А теперь и Сюй так нерешителен — ясно, что здесь кроется некая тайна.

Евнух Сюй стоял на коленях, не зная, как поступить. Он понимал: сказать правду — верная смерть. Даже если Сяо Лян его не накажет, Сяо И, узнав, что он проговорился, ни за что не оставит его в живых.

Сяо Лян обычно был кроток, но сейчас в нём проглядывала суровость. Он сознавал, что его мягкосердечие привычно для слуг, оттого они и не страшатся его гнева. Однако после того как отец велел забить палками насмерть слуг из дворца третьего брата, никто уже не смел относиться к нему легкомысленно. Но евнух Сюй, прислуживавший Наложнице Хуэй с её детских лет и видевший, как рос сам Сяо Лян, знал его нрав досконально и оттого вовсе не боялся, что тот решится его покарать.

Сегодня Сяо Лян был полон решимости докопаться до истины. Решимость эта ожесточила его сердце, и лицо его стало холодным.

— Евнух Сюй, как ни крути, а ты — всего лишь слуга. Если не подчинишься моему приказу, я не стану церемониться. В твоём-то возрасте едва ли выдержишь наказание палками. Так что лучше говори правду.

Евнух Сюй усмехнулся, вздохнул и ответил:

— Седьмой князь, этот старый раб видел, как вы росли. После кончины Наложницы Хуэй вы — мой господин. Если вы приказываете, как могу я не повиноваться? Просто... вам и вправду лучше этого не знать, а не то сердце разорвётся от боли.

— Евнух Сюй, раз уж ты заговорил, я обязан выслушать всё до конца, — любопытство Сяо Ляна лишь разгоралось.

— Что ж, коли так и быть... Вот письмо, которое Наложница Хуэй вручила мне с наказом передать вам, когда вы получите титул князя и вступите в брак. Прошу, взгляните, Ваше Высочество.

С этими словами евнух Сюй достал из-за пазухи письмо и подал Сяо Ляну.

«Моё дитя, Фэнмянь,

В последние дни сердце матери тревожно, оттого и пишу я это письмо, вручая его евноху Сюю с наказом предать тебе, когда ты станешь князем и обретёшь супругу. Бремя этой тайны я нес много лет, и молю тебя: прочтя сии строки, ни словом не обмолвись о них третьему брату твоему, не то натворит он бед необузданных.

Твой дед по матери, Ян Юйшу, был ближайшим сподвижником твоего отца. В те дни, когда отец твой и князь Нин оспаривали престол, он устроил коварную ловушку, дабы князь Нин, выпив по ошибке яд, повергающий в безумие, убил княжну Аньян. Предыдущий император, вне себя от гнева, жестоко укорил князя Нина и назначил наследником твоего отца. Однако отец твой, видя, что князь Нин по-прежнему могуществен и пользуется доверием, затаил в душе мятежные помыслы и вступил в сговор с твоим дедом. Они притворились врагами, после чего твой дед преподнёс князю Нину карту путешествий предыдущего императора и схему обороны Цзянлина, дабы снискать его доверие. Затем князь Нин, вступив в союз с государством Дянь,

разделил войска надвое: одни преградили путь предыдущему императору, другие же внезапно атаковали Цзянлин.

Предыдущий император как раз покорил Западный Лян и, собирая остатки армии, возвращался в столицу, когда был жестоко разбит. В той битве пали, защищая его, двое твоих дядьёв по отцу. Отец твой в то время пребывал в столице Цзянлине и, получив сию весть, немедля поспешил к войскам, дабы принять командование у ложа умирающего императора. Государство Дянь, воспользовавшись отъездом твоего отца, повело войска на внезапный штурм. Твой дед заранее приготовил засаду, но не ведал, что князь Нин уже раскусил замысел твоего отца и бросил в бой все силы. В жестокой сече, когда Цзянлин уже готов был пасть, войска, что отец твой оставил за городом, ворвались внутрь, перебили князя Нина и разгромили армию Дянь. А генерал Гу и вовсе повёл свои полки прямо на королевскую столицу Эрхая. Когда битва отгремела, весь род Ян пал в сражении, твой дед же, получив тяжкие раны, скончался. Позднее старый слуга нашего рода, Фан Бо, уже на смертном одре сумел передать мне письмо, из коего я узнала: наш род мог бы уцелеть, но войска твоего отца воспользовались суматохой, дабы истребить семью Ян до последнего.

Мать твоя в то время уже носила дитя под сердцем. Узрев, как отец твой воспользовался случаем, дабы вырезать весь мой род, я от потрясения преждевременно разрешилась от бремени. После же отец твой объявил, будто род Ян пал, защищая Цзянлин, — верные слуги, чей долг перед престолом исполнен до конца. И матери твоей оставалось лишь безмолвствовать, ибо возражать было нечего. Отец твой не ведал, что мать уже знает правду, и оттого обращался с нею со всею щедростью — так на свет появились ты и третий брат твой.

Кровав путь к трону, брат восстаёт на брата, сын на отца — всё это для него в порядке вещей. В очах так называемого милостивого и мудрого государя верные сановники и доблестные полководцы, столпы державы — всего лишь булыжники, коими мостится дорога, и щебень, что отбрасывают в сторону. За всю жизнь мать твоя молилась лишь об одном: да будут оба сына её князьями богатыми и знатными, да не возжаждут они великого престола, да не утратят они человечности своей.

Последние слова одинокой дочери рода Ян.»

Сяо Лян перечитал письмо трижды и замер, остолбенев. Неужели мать заранее знала, что дни её сочтены? Если так, то её внезапная кончина и впрямь таит нечто странное. Писавшая эти строки мать никак не могла предвидеть, что третий брат внезапно исчезнет, а он сам станет князем раньше положенного срока. Если со смертью матери не всё чисто, то и исчезновение брата, должно быть, тоже не случайно.

Чем больше размышлял Сяо Лян, тем сильнее овладевало им изумление, а в груди вновь заняла знакомая боль. Прислуживавший рядом евнух Линь встревожился не на шутку и тут же закричал:

— Скорее! Позвать лекаря!

Не успел он договорить, как Сяо Лян принялся махать рукой:

— Не нужно лекаря. Со мной всё в порядке. Ступайте вон.

Он просто не мог поверить, что его всегда столь любящий и милостивый отец способен был пойти на такое ради трона.

Сяо Лян сидел, понемногу вспоминая всё, что случилось в последнее время: внезапная смерть

матери, исчезновение третьего брата, несправедливое обвинение четвертого брата, заключение под стражу второго брата, покушение на старшего брата... События, казалось бы, не связанные меж собой, и всё же они сцеплены одно с другим, словно звенья цепи.

Он вспомнил, как в тот день стоял у дверей, кормил кровавых воронов и повстречал шестого брата. Они обменялись всего парой слов, а вскоре после того всех слуг из дворца третьего брата казнили, забив палками. Хотя приказ отдал отец, неужели всё было столь простым совпадением?

Этот дворец становился всё страшнее. Им овладела дрожь, и он захотел поскорее убраться отсюда. Прежде он помышлял почасте навещать Дворец Луны над Хуай и покои третьего брата, дабы воздать долг памяти матери и брату. Но в последнее время уже поползли слухи, что в Дворец Луны над Хуай вскоре вселится новая наложница. Какой же смысл оставаться здесь?

Ему внезапно захотелось покинуть дворец, отправиться в Янтяньфу и всё разузнать.

— Я отправляюсь в Янтяньфу, посмотреть, как идёт строительство новой резиденции. Никому не нужно меня сопровождать — пусть пойдёт лишь евнух Линь.

Вдруг в покои вошёл стражник:

— Ваше Высочество, согласно дворцовым установлениям, евнух Линь не может покидать пределы дворца. Позвольте нам сопровождать вас.

Сяо Лян взглянул на него и узнал того самого стражника, что зарубил Коу Пэна прямо на улице.

— Как тебя зовут?

— Подчинённого зовут Юнь Чжао, я стражник внутренней дворцовой охраны, по высочайшему повелению приставлен охранять князя Цинь. Происшествие в Павильоне Ифэн весьма обеспокоило Его Величество, к тому же сейчас подходит Новый год, на улицах многолюдно и говорят всякое. Позвольте нам сопровождать вас.

— Пусть будет так. Но вас всегда целая толпа, и это меня угнетает. Пусть пойдут только ты и Люй Сюй. Вот только... каковы твои боевые навыки? Сумеешь ли защитить меня?

— Ваше Высочество, будьте спокойны. Подчинённый несомненно обеспечит вашу безопасность.

Выслушав его, Сяо Лян позвал Люй Сюй, и втроём они покинули дворец. Сначала Сяо Лян отправился в Янтяньфу, но, увидев, как все несутся, перенося камни и деревья, поднимая тучи пыли, тут же вышел обратно.

— Здесь слишком грязно, — сказал он. — Я хочу навестить мастера Лана, развлечься немного. Отправимся в Дом Великого Наставника.

На сердце у него и впрямь лежало это желание, но он вспомнил, что Юнь Чжао — приближённый отца. Если он здесь проявит хоть что-то, неужто тот не заметит? Не ровён час, доложит отцу — и тогда неминуемы новые неприятности. Размышляя так, он назвал предложением визит к Цзи Ланю, заодно решив проучить Юнь Чжао и сбить с него спесь.

Цзи Лань как раз пил чай в своих покоях с Хэ Сюем. Оба были в прекрасном расположении

духа, беззаботно беседуя, когда вдруг доложили о прибытии князя Циня. Они тотчас вышли встретить гостя.

Увидев, сколь душевно они общаются, Сяо Лян спросил:

— Цзи Лань, как ты познакомился с господином Хэ?

— Господин Хэ — старший сын маршала Хэ, потомок воинского рода. Наша семья Цзи много лет вела военные кампании, и наши семейства часто взаимодействовали на поле боя. Позже маршал Хэ взял с собой второго и третьего сыновей усмирять северные рубежи, а его, старшего, оставил в столице. После того как мой отец пал в бою, он часто приходил ко мне померяться силами да позабавиться — можно сказать, мы знакомы с детства.

Отец Цзи Ланя, Цзи Шаокан, был героем, воссиявшим в юности, но, увы, попал в засаду во время разгрома армии государства Дянь и пал в расцвете лет. Супруга его, не в силах перенести потерю, покончила с собой вслед за ним, оставив на свете лишь двоих сыновей — Цзи Цзэ и Цзи Ланя. Великий Наставник Цзи Ланфэн с тех пор более не поднимал меча в бою, а остался в столице растить внуков. Кто бы мог подумать, что Цзи Цзэ, возмужав, всей душой возжелает отомстить за отца, испросит войска для похода на государство Дянь и, одерживая победу за победой, стяжает славу Непобедимого генерала. Цзи Ланфэн, лелея внука, ни за что не желал отпускать Цзи Ланя на передовую — должно быть, тому было весьма одиноко.

Сяо Лян слушал, как Цзи Лань говорит об этом легко и непринуждённо, и понимал: оставшись сиротой в детстве, тот наверняка познал горькое одиночество. При этой мысли в его сердце шевельнулось чувство глубокой родственной симпатии.

— Ну, а кто из вас искуснее в боевых искусствах? — спросил Сяо Лян.

<http://bllate.org/book/15946/1425654>